Способность индивидов очеловечивать окружающий мир, выступает онтологической основой их бытия, не являющегося лишь природным, объективно-материальным бытием, а, в любом случае, вызывающим определенные эмоциональные реакции, становится предметом раздумий и практической деятельности человека. Примеряя себя к миру, он сначала только пассивно воспринимает его, а потом оценивает, приспосабливаясь сообразно условиям своего существования.

Как правило, в материалистической философии принято интерпретировать мир, как объективную действительность, определяющую как способ мыслей человека, так и характер его деятельности. При этом, совершенно игнорируется субъективный мир индивида как сфера «желаемого», оставляя без внимания огромный массив его эмоционального опыта, сопровождающий любой человеческий шаг в постижении и освоении мира.

Тем не менее, «физическое», воплощенное в материально-практической деятельности человека, далеко не является единственным критерием истинности господствующего способа организации социального бытия. «Душевные истины» оказываются намного более существенными и действенными, а окружающий человека внешний мир выступает не объектом для покорения, но пространством индивидуального творчества, не способного обрести смысл, если сам человек останется пассивным по отношению к себе как квинтессенции мироздания.

Человек обнаруживает в физической реальности только то, что позволяют ему внутренние предпосылки его существования, определяющие характер и содержание человеческого сотворчества с архетипом. Именно естественные праформы понимания мира определяют способ оценки минувшего, восприятия настоящего и видения будущего.

Выступая предпосылками структурирования личностно-неповторимого восприятия мира, архетипы, вместе с тем, являются и внутренне организованными образованиями. Ни одна из существующих сейчас отраслей знания не может претендовать на достоверность и истинность своей модели интерпретации мира именно потому, что ведомый ею исследователь, неминуемо оказывает влияние как на изучаемые им объекты, так и на конечные результаты научного анализа. Безусловно, архетип следует вывести за рамки сугубо психического, поскольку его природа не физическая и не ментальная, а, скорее, характеризует обе эти сферы, поскольку структура мира материального и мира «объективно-психического» снимается, «кодируется» в архетипе. Именно этот принцип комплиментарности, получивший в работах Юнга название “синхронистичности“, в полной мере может быть использован при анализе огромного комплекса проблем, связанных с бытием души, тела и Мира. В этом плане интересной выступает возможность проведения аналогии между архетипами как самоорганизующимися системами в психике человека и аттракторами – подобными образованиями, выделенными в синергетической теории И. Пригожина.

Такие аналогии подчеркивают глобальное значение архетипа, приобретающего форму зашифрованного, снятого в коллективном бессознательном единства живого и неживого мира и выступающего онтологическим основанием сущностного наполнения ноосферы. Сквозь призму архетипа следует рассматривать не только специфику феномена «ментального», поскольку его природа не индивидуальна и не может быть сведена к особенностям отдельных мировоззрений, а имеет коллективный характер; но и проводить анализ материальной действительности, индивида, социальных институтов, а также способов их взаимодействия.

Смысложизненные искания человека всегда осуществляются на основе освоения им коллективного опыта, образующегося под влиянием архетипов. Они в концентрированном виде выражают смысл индивидуального бытия, предоставляя ему статус Всеобщего и, тем самым, содействуя сохранению и утверждению человечества как определенной целостности. Именно архетип, представляя собой образ Человечества как уразумевшую себя целостность, в антропной форме содержит в себе историю Универсума.

Итак, опираясь на изучение определенной части юнгианского творческого наследия, которое, вместе с тем, включает целый ряд фундаментальных, концептуальных работ, научная ценность которых едва ли может быть оспорена, следует сделать вывод о принципиальной возможности развития юнгианской методологии в отношении анализа ноосферы как пространства осознания феноменов окружающего мира, которое может быть организовано в двух плоскостях. С одной стороны, необходимым является анализ роли и значения архетипа в организации взаимодействия материальных и ментальных устоев человеческого бытия и культуры, с другой – исследование архетипа позволяет выявлять типологию и особенности взаимодействия индивида с массивами коллективного опыта в рамках конкретных социальных групп и социума в целом.

Освоение архетипической «предыстории» ноосферы может обеспечить и индивиду, и обществу прорыв в будущее как преодоление бессознательного отчуждения Человека от Человека, Человечества от его Истории, Человека от самого Себя. Именно феноменологизация освоенного Бытия Архетипически Образует в Человеке Единство Сущности Феномена, Мысли о Нём и Его Реальности – Единство, Восамляющее Всебытие Сознания.

«ИСТОРИЯ УРАЛА ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА…» – ДИСКУССИОННЫЙ КЛУБ

Нагорная В.А.
Челябинск

В декабрьском номере журнала «Урал» за 1989г. была описана рабочая дискуссия между литераторами и историками Урала. Название встречи тоже было рабочим «История Урала – известная и неизвестная». Данная дискуссия была организована с целью биллетризировать историю Урала, ярким красочным языком отобразить значимые моменты истории нашего региона.

Валерий Исхаков писал в своей статье «Редкая птица долетит до середины Исети…». Мой однокурс-

ник по литературному институту устроил мне экскурсию по местам «Мастера и Маргариты» в Москве. Вот здесь Берлиоз попал под трамвай, тут, в этом особнячке жила Маргарита, а тут… Или занимательная такая прогулочка от дома Раскольникова до квартиры старухи-процентщицы – в Петербурге уже разумеется. А «Невский проспект?» Не тот реальный, что в городе на Неве, а мистический, загадочный, блистающий Невский проспект писателя Гоголя. Где, в каких краях, в каких измерениях он прилег? Кто бродит по нему до сих пор? Башмачкин, Раскольников, Рогожин, Онегин…

А кто бродит по нашему главному проспекту? Чья великая тень хоть раз да мелькнула на нем, кто оставил свой вечный литературный след? И покуда не явиться наш собственный Гоголь, Достоевский или Булгаков (пусть даже на худой конец – Андрей Белый с его зануднейшим «Петербургом» и не воспоет наш чугунно-литейный край, никто в читающем мире не будет знать об его существовании, и мы жители Екатеринбурга, Челябинска, Магнитки будем ходить по неописанным улицам, не видя их, не понимая, как замечательно, например, мостик в Историческом сквере Екатеринбурга подходит для того, чтобы с него бросилась в Исеть какая-то новая Лиза, не дождавшаяся своего Германа.

Так что было бы здорово, если совместили усилиями братьев писателей удастся выстроить мостик между реальностью и вымыслом. Если выходя из трамвая, мы вдруг окажемся не на площади, а внутри романа, а дочитав последнюю страницу повести увидим перед собой до боли знакомый подъезд родного дома. Что пишут писатели: прозу или географию? Поэзию или историю? И то и другое господа, и то другое. И пусть пока это не очень получается, но почему то хочется верить что однажды Яков Свердлов соскочит с пьедестала и помчится по главному проспекту на манер Медного всадника, грохоча сапогами по брусчатке площади 1905 года – «и возникнет град Екатеринбург, раскрытый на любимой страницы, как книга…»

Главный редактор «Урала» В.П. Лукьянин начал дискуссию о прецендентном росте интереса к истории в нашем обществе, мы хотим сегодня достоверно знать, кто мы, откуда мы пошли, что уже случилось с нашим народом на его долгом пути и сколь органичны для него преобразования, оплаченные столь огромными жертвами и лишениями.

Интерес к истории своего народа и истории страны находит естественное продолжение в интересе к истории своего региона. Тем более такого, как наш Урал, где все перипетии отечественной истории проявились не только наглядно, но и, пожалуй, с особенным драматизмом: здесь труднее складывались отношения человека с неласковой природой, здесь было положено начало пространственному росту Российской империи, здесь зарождался российский промышленный капитализм. Ранний послеоктябрьский период империи памятен в нашем крае и легендарным походом Блюхера, и до недавнего времени неподлежавшей широкой огласке Ишимским крестьянским восстанием (впервые правду о нем рассказал К.Я. Лагунов в очерке «Двадцать первый» (см. «Урал», 1989, №5, 6). «Год великого перелома проявился на Урале не только подрывом исконной связи крепкого хозяина (а именно таким был в подавляющем большинстве уральский крестьянин) с землей, но и тем, что здесь же – в северных районах региона – начинали свою новую жизнь кулаки и «кулаки», высланные из многих других районов страны.

Урал последующих десятилетий – это Магнитка и Уралмаш, это край землеустроителя Леонида Брежнева – будущего генерального секретаря, это фронтовые бригады в военном тылу и уральские танковые бригады на фронтах Великой Отечественной.

Уральская история представляется необыкновенно увлекательной, ибо она, выражаясь языком литературной теории, остросюжетна. И в редакцию журнала идут такие материалы как воспоминания комиссара Яковлева «Последний рейс Романовых» с обстоятельным научным комментарием историка Г. Иоффе, очерк Льва Санина «Трагедия в уральской деревне» или упомянутый «Двадцать первый» К. Лагунова, уже не говоря о рубрике «Уральская мозаика».

Однако с некоторых пор мы начали ощущать, что вот таких – фрагментарных, хронологически друг с другом не увязанных, разномасштабных публикаций становиться недостаточно. Как известно, пересмотрев свое историческое прошлое, расставив акценты на событиях значимых, мы можем поправить вектор будущего в другую сторону. Ведь наше будущее рождается нашим прошлым, и хотя подчас очень боязненно перетряхивать его архивы, но это необходимо ведь именно в прошлом опыте закопаны алмазики, ведущие нас к будущим победам и триумфам.

Помнить свою историю, переосмыслять ее. «Выгоняя из подсознания психотравмирующие моменты мы освобождаем массу творческой энергии, которая способствовала в нашей психики болезненных переживаний,» – рассуждает в своей работе «Ключ к будущему» академик Сельченок. Не то ли же самое происходит с нашим социумом. Ведь система психики одного человека находит отражение в системе работы всего общественного сознания в целом.

Таким образом, расставляя акценты в иных значимых местах мы перенаправляем вектор развития истории нашего общества в целом! Таков закон системы.

«Редакция «Урала» задумала создать такой рассказ,» – продолжает главный редактор Лукьянин – «о прошлом нашего края, где бы соображения исторической неизбежности или «покоренных интересов», пусть даже самого прогрессивного класса не заслоняли бы общечеловеческих понятий правды, добра, справедливости». Он обращается к писателям с данной идеей как к людям с продолжительно-обостренным нравственным чувством, выразителям «сокровенной думы всего общества», речь идет не об историческом факультативе для любителей, а о школе гражданственности и гуманизма для всех. Очень важно рассказать о разных периодах истории края – живо, предметно с выдумкой. Но тут же будут публиковаться и тексты подлинных документов, фрагменты научных работ, комментарии историков.

Писатели согласились с мнением редактора и отметили, что история подогнанная под шаблоны и тра-

фареты все громче трещит по швам, но чтобы переломать огромный исторический материал, выстроить его в свете истин открывшихся в перестроичную эпоху надо обратиться к архивам, и создать биллетризированную историю для широкого читателя, воспринимающего исторические истины через художественное слово – это огромный творческий подвиг.

«России везло на историков», – отмечает писатель Николай Никонов – «но не везло на литераторов-историков. Сочинения самых известных историографов – Карамзина и Соловьева приходиться насильно вталкивать в себя. Разве что Ключевский может поспорить по части простоты и ясности, литературности изложения». Работая учителем истории в школе, Никонов столкнулся с поразительным равнодушием учеников к истории Урала, а равнодушие это шло от псевдо-исторических учебников, от содержащейся в них лжи, от их суконного языка.

Поэтому, если мы хотим, чтоб задуманная история воспринималась читателем с интересом, она должна быть не только нравственной, но и беллетризированной, написанной хорошим мастером.

Обратимся еще раз к работе Сельченка «Ключ к будущему». Истина и красота близнецы-братья. Истинное всегда красиво, его не подменить ложью. Видимо суконный язык и отсутствие интереса к материалу – это именно те механизмы системы, которые оберегают сознание молодых людей нового поколения от фальсифицированной информации. Не находит отклика в их информационном поле, таким образом, предохраняя от разрушительного действия и развития программы в сторону негативного исхода ситуационной активности.

История подошла к такому рубежу, что она не может не только объяснять прошлое, но и в определенной степени прогнозировать будущее, определять методы движения в завтрашний день. «Многие ли, к примеру, знают, что такое экстраполяционная прогностика?» – говорит А. Бакунин. В США она развивается весьма энергично. Американские историки изучают, например, опыт государственного управления в средневековой Оттоманской империи. Спросите: зачем? Чтобы применять его в отношениях с рядом развивающихся азиатских стран.

Итак, задумывая общую большую работу историков и литераторов, авторы ставили перед собой две задачи:

1) раскрыть уникальный опыт Урала, где в классической форме осуществляется сочетание региональных и государственных интересов;

2) воспитание исторического сознания, исторического мышления личности.

«В конце 70-х годов», – пишет историк Н. Попов– «мне в Уральском университете, где я работал, мягко говоря, не рекомендовали публиковать популярные очерки в средствах массовой информации, в том числе и в журнале «Урал». Пришлось прибегать к помощи псевдонимов. Историкам не давали возможности доносить до широкого круга читателя результаты своих исследований, т.е. внедрять их в практику, формировать историческое сознание общества. А у каждого опытного историка есть материал, который не смог опубликовать в недавние годы, но которые будут сегодня работать на новое мышление».

Историк К. Лагунов согласен с тем, что наши архивы чрезвычайно мало исследованы специалистами. В Тюмени, например, освоено менее 0,5% архивных материалов, находящихся в открытых фондах (ситуация конца 80-х), а знаменитый Тобольский архив лежит по сути нетронутым. Надо расширять круг авторов за счет музейных работников, архивистов, краеведов.

Узкий акцент на историю края был связан с изучением истории через призму классовой борьбы. За бортом истории в 70-х, 80-х остался сам человек с его страстями, интересами и взлетами. Создав подробную хронику классовой борьбы, историки, однако не сочли необходимым выяснить динамику численности населения региона на разных этапах его развития. Нет ясного представления о рождаемости, смертности, миграционных процессах. А ведь все это – основные категории исторической демографии, без них немыслима история края.

Историки предложили в заключении дискуссии , что необходимы высокопрофессиональные коллективы историков, работающих по единой программе. Так профессор Алексеев отметил, что такая программа «Исторический опыт регионального развития» впервые создана в Уральском институте. А такие историки и писатели обратились к неутомимому племени краеведов, у которых в запасе есть два-три факта, способных придать остроту и живость повествования.

Таким образом, конец 80-х – это время пересмотра фактических материалов истории региона в свете открывающихся новых архивных знаний – время пересмотра ценностных ориентаций в свете объективного взгляда на историческое прошлое нашего народа.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ДОПУСТИМЫХ УРОВНЕЙ АНТРОПОГЕННОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ С ПОЗИЦИЙ ГЕОЭКОНОМИКИ

Ольшанский А.М., Рязанов А.Ю.
Самарская государственная академия путей сообщения, Самара

В настоящее время авторами проводятся исследования по моделированию антропогенного воздействия на географические системы. Основной авторской моделью, на которой будет рассматриваться настоящая тема, является так называемая однофазная модель геосистемы.

Под однофазной моделью геосистемы понимается модель вида

$$M(t) = M_0(t) \times e^{g_0 + gSin(wt - j)} = \\ = \mathrm{m}_{0\text{в}}(1 + (a - d))t \times e^{g_0 + \Delta g Sin(wt - j)} \quad (1),$$

где

m_{0k} – начальная биомасса к-го яруса растительности (древостой)

а – коэффициент перевода солнечной энергии в биомассу m_{0k}